

Тресковый мыс.

1987

Тресковый Мыс. Стеклянная вода.
Выходят сны из домиков на берег.
Измученные каменные лодки,
угрюмо жмурясь, греются в песке.

Я всё забыл, Бессонница. Слова.
В начале жизни блёклые деревья.
И женщины, облепленные снами,
идут неслышно в тёплой белизне.
Стригут туман прозрачными ногами.

Как в старом чёрно-белом кинофильме,
в застывшем кадре вспыхивает плёнка -
восходит солнце над Тресковым Мысом.
И женщины несут своих младенцев
глотать туман у краешка Земли.

Тоскливо смотрят каменные лодки,
как проплывают белые младенцы
в торжественной рассветной тишине.

В рукоплесканьях голубых деревьев
восходит солнце над Тресковым Мысом.

1987

Массивные женщины с маленькими головами,
похожие на динозавров, сквозь солнечный блеск
спускаются к речке. Земля чуть дрожит под ногами.
Сочится зелёною влагою девственный лес.
В высокой траве их колени хвощи раздвигают,
тельца кровяные в набухших аортах поют,
вибрирует воздух, на платьях цветы расцветают.

И райские птицы над ними деревья клюют.

1987

Дуга розоватая радуги:
слоистый изогнутый луч
оклеен прозрачной бумагою
с чернильными кляксами туч.

В деревьях, остриженных наголо,
осипшие птицы галдят.
Их клювы, набухшие влагою,
сияют, как капли дождя.

На радугу всадник уверенно
въезжает, огнём освещён.
И слышно, как дышит размеренно
холмами земли горизонт.

12 Февр., 97

В тропическом лесу
духовных инструментов
на ветках шелестят
дизель и бемоли.
Лианами сплелись
ключей скрипичных ленты.
В пустых стволах гудит
звук, рвущийся на волю.

И в самой глубине
под чёрною листвою,
где небо заросло
от края и до края,
летает дирижёр
огромной стрекозою
и крыльями стволы
на ноты рассекает.

8 Мая, 97

Дрожащий лес - эпитафией к любви.
Мох пересыпан муравьиным крошевом.
Татуировка сучьев, блеск травы.
В плероме лиственной - личинки прошлого.

Флотилии поющих комаров.
Виденье самолёта шестикрылого.
Вполнеба белый, воспалённый шов...
Так долго длилось. И не знаю, было ли?

8 Мая, 96

Спят синие осины,
пригнув к земле горбы.
Их тени осенили
осенние грибы.

Чуть всхлипывают липы,
рвут листья на себе.
И бусинки брусники
разбросаны в траве.

В воздушных ямах запах
осин, пожухлых лип.
Лягушечьею лапой
листок к груди прилип.

Свод неба прохудился,
льёт дождик по краям
и лес мой превратился
в живой, растущий храм,

где служат литургию
деревья надо мной.

28 Ноября, 96

Ржавой мочалкою ветер-чистюля
сдирает нагар с небосвода умело.
В чёрной долине внизу, как в кастрюле,
кипит молоко облаков подгорелых.

Запахом трав и кореньев болотных
насквозь пропитались отвесные скалы.
В трещинах мечутся крики животных,
и тычется эхо куда ни попало.

Днище кастрюли нагретой дымится:
готовят на солнечном масле дешевом
варево жизни дряхлеющим птицам
в окутанной паром небесной столовой.

5 Марта, 98

...И увидишь: как влажная суть облаков
сквозь небесную марлю стекает ручьями
и сгущается в тёмное между домов,
как, царапая нежное брюхо о раму,
ночь в квадрат заползает оконный, и как
в её теле мерцают набухшие звёзды,
как ползёт вдоль стены, огибает косяк,
и кусок темноты, зацепившись за гвоздик,
превращается в старый отцовский пиджак,
в нём растут рукава, поднимаются в воздух
и благо-славляют того, кто увидел.

13 Дек., 91

Воробьи в проводах,

словно нотные знаки кругом,
набухают трепещущей, нежною влагой.
Кляксы туч. Отсыревшего неба бумага.
И скрипичным ключом
изогнулся фонарь под окном.

Но мелодии нет. И звучанье исчезло...

13 Ноября, 96

Ветер плотно натянет на раму окна
загрунтованный солнцем кусок полотна,
где в соитии синего и желтизны
жирных веток блестящие тени видны,

и над травами, в ворохе мокрых мазков
распускаются кляксы дрожащих птенцов,
горизонт, превратившийся в контур лесной,
пилит пухлое облако чёрной пилой,

и бессмертная птица в сиянии брызг
неподвижно летит через солнечный диск...

Кто-то знающий меру и смысл Холста
ночью выверил точно детали, цвета
и собрал их под утро в окошко моё.

1987

В толще неба прозрачный рейсфедер
ретуширует дождиком ватман,
и деревьев зелёные сферы
расплываются в блёклые пятна.
Набухающий центр акварели,
словно след от застывшего взрыва,
и повисли осколки шрапнели,
как пунктирная ось перспективы.

Ватман, вставленный в раму окошка, -
аккуратный прообраз природы.
Дождь штрихует за домом дорожку,
и на ней силуэт пешехода,
провода над его головою...
И заметна уже еле-еле
за завесой сплошной дождевою
чья-то подпись в углу акварели.

Июль , 98

Старость.

Неспешно размышляя о судьбе,
о том, что слов становится всё меньше,
сидеть у дома и смотреть на женщин,
и улыбаться ласково себе.

В моём подъезде каблуки стучат
по ксилофону лестничных ступеней.
И проступают ниточки дождя
в подмоченном небесном гобелене.

Ползёт громада тучи, как утюг
разглаживая складки синей ткани,
и с края тучи сыплется сиянье,
высвечивает улицу вокруг...

Ручей голов из скважины метро,
переливаясь лицами, сочится
по мостовой, покрытой серебром
промокшей пыли. И щебечут птицы.

А я сижу здесь с раннего утра...

Зимой.

Верхушки деревьев зажглись за окном.
Поминальные свечи, дрожащие в небе,
горящим кольцом окружают мой дом.
И стеклянное пламя струится с деревьев.

В промёрзшей стране, где царапает снег
на рассвете стекло, и никак не проснуться,
сугробы в окне, как в замедленном сне,
под раздувшейся простынью снега крадутся.

И женщина в ватнике и сапогах
дирижирует хором подростков осипших.
летает корявая палка в руках,
и колючею перхотью небо крошится.

Засыпало поле, деревья вдали...
Белизною сплошную нас всех засыпает.
И новым сугробом в поверхность Земли
промороженный дом мой всё глубже вырастает.

1988

В капелле замёрзшего леса
зажглись канделябры деревьев:
великая люстра сосулечек
на землю сочится закатом.

Торжественно вытянув шеи,
сидят неподвижные звери.
Закинута голова в небо,
и морды сияют блаженством.

Луна, разметав свои юбки
по бархату ложи небесной,
рассматривает благосклонно
притихшую публику леса.
Бежит по кустарнику шёпот,
и слышно, как за горизонтом
настраивают инструменты
невидимые музыканты.

И ждут своего дирижёра.

Сент., 92

Под утро проснёшься, и лес - в негативе.
Блестит кокаиновый снег меж стволов.
Над горкой ребристой висят сиротливо
волнистые крыши озябших домов.

Под заиндевелой луною текучей
деревья в снегу голосят о весне.
И лыжники в белых одеждах беззвучно
плывут привиденьями в синем окне.

Стоишь у окошка и, светом проточным
глаза сполоснув, представляешь себе,
как тоненькой змейкой в столбе позвоночном
тепло поднимается вверх, к голове.

Ноябрь, 92

Зернистый, насквозь промороженный воздух.
Блестящие точки плывут по луне.
Слезятся, мигая, мохнатые звёзды
сквозь снег, засыпающий снег.

Сияньем наполненный иней на ёлках,
как оледеневшее кружево слёз.
Царапают твёрдое небо иголки,
снежинки сметая со звёзд.

Ломаются в венах прозрачные гвозди,
и медленно кровь замерзает во мне.
Слезятся, мигая, мохнатые звёзды
сквозь снег, засыпающий снег.

Янв., 93

Сосны рыжеватая грива
в искрящемся снежном берете
висит, наклонясь над обрывом.
Берет, нахлобученный криво,
купается в солнечном свете.

Горят над сосною зарницы.
Как трещина, чёрная ветка
в эмалевом небе змеится.
На ней длинноклювая птица
вся отполирована ветром.

Вмурованный в край небосвода,
мерцает разбухший булыжник
из туч в золотистых разводах.
Литые предметы природы
в пространстве висят неподвижно.

19-20 Дек., 93

В поезде, когда идёт снег.

Деревенька промелькнула меж снегов:
перебивкой чёрно-белой ёлок лапы,
вереница из ободранных домов -
Как напильник, по зрачкам мне процарапал.
А потом всё потонуло в снежной мути,
и посыпались лавиной из углов
чьи-то жесты, появился на минуту
глаз, замороженный в оконное стекло...

Перевязанный целебной белизной,
я куда-то провалился и казалось,
что купе, совсем пустое, за спиной,
как жестянка из-под жестов, вдоль по шпалам
громыхает и несётся всё быстрее...
Божье слово, неосознанное мной,
проросло сквозь позвоночник вверх по шее -
в мозг, светившийся в коробке черепной.

20 Дек., 97

Рождество.

Над органом, луною облитым,
раздвигается медленно купол.
Неуклюжий кораблик молитвы,
окружённый флотилией шлюпок,
выплывает из верфи собора
с двумя сотнями душ на борту
по фиорду аккордов сквозь горы,
распустив паруса в темноту.

[На Предыдущую Страницу](#)